

ЛЕКЦІИ
ФИЛОСОФІИ

Профессора Московской Духовной Академіи

Θ. А. Голубинскаго.

Выпускъ третій.

МОСКВА, 1884.

Типографія Л. Θ. Снегирева. Остоженка, Савел. пер., д. Снегиревой.

667.

А

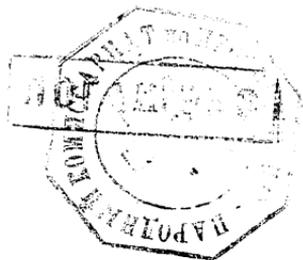
ЛЕКЦИИ ФИЛОСОФИИ

профессора Московской Духовной Академии

протоіерея

0. А. Голубинскаго.

ОНТОЛОГІЯ.

Изъ Читеній въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія.

МОСКВА.

Типографія Л. Ѳ. Снегирева. Остоженка, Савеловскій. пер., д. Снегиревой.

1884 г.

А

(194)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
 БИБЛИОТЕКА
 ИМ. В. И. ЛЕНИНА
 46372-46

Дозволено Цензурою. Москва, 4 Сентября 1884 года.

Цензоръ Архимандритъ Амфилохій.

2007061822

Лекціи философіи.

ОНТОЛОГІЯ.

О скептицизмѣ, критицизмѣ и идеализмѣ.

Скептицизмъ (принимая его въ лучшемъ видѣ) есть направленіе, утверждающее невозможность истиннаго познанія о предметахъ, внѣ нашихъ представленій находящихся. Онъ даже утверждаетъ, что нѣтъ предметовъ отличныхъ отъ нашихъ представленій, нѣтъ самостоятельной природы, ни законовъ естественныхъ; все игра представленій, благовидно связываемыхъ привычкою, или слабымъ дѣйствіемъ воображенія. Таковъ скептицизмъ Юма. Древній скептицизмъ Пиррона, ограничиваясь одною стороною практическою, утверждаетъ, что всѣ обстоятельства жизни, счастье и несчастье, добродѣтель и порокъ, основывается на одномъ только мнѣніи, а не на природѣ вещей. Слѣдовательно Пирроновъ скептицизмъ отъ Юмова отличается тѣмъ только, что первый былъ практической, а послѣдній теоретической.

Тоже самое утверждаетъ и новѣйшій критицизмъ Канта, съ тѣмъ только различіемъ, что основаніе невозможности познанія Кантъ находитъ въ самомъ существѣ познавательной способности человѣческой, между тѣмъ какъ сіе произошло отъ какой то случайной, неопредѣленной настроенности духа.

Какъ глубокомысленный философъ, Кантъ съ строгою точностію опредѣлилъ то, чего не могли представить себѣ ясно его предшественники. Именно, онъ различалъ въ каждомъ познаніи матерію и форму. Матерію хотя онъ полагалъ существующею внѣ нашихъ представленій: но познаніе о

ней производилъ ояъ единственно отъ субъекта представляющаго, такъ что во всѣхъ познаніяхъ не было ничего, кромѣ субъективныхъ, чисто формальныхъ представлений познавательной способности человѣческой, а предметы сами въ себѣ оставались совершенно недовѣдомыми. Можно сказать, они существовали безъ цѣли, и допущены были только по милости. Сей законъ формальности Кантъ распространилъ на низшую и высшую познавательную способность: почему познанія человѣческія о предметахъ чувственныхъ и сверхъ—чувственныхъ остались совершенно подлежательными.

Строго слѣдуя началу Канта, ученикъ его Фихте сдѣлалъ сомнительнымъ и неизвѣстнымъ не только образъ бытія и природу, но и самое бытіе предметовъ и довершилъ недоконченное Кантомъ, представивъ скептической идеализмъ со всею возможною строгостію. На мѣстѣ Бога, природы, всего возможнаго и дѣйствительнаго, поставлено одно только наше я.

У Канта бытіе предметовъ оставалось извѣстнымъ; неизвѣстенъ былъ только образъ бытія или природа предметовъ. Сей образъ (форма)—поколикую предметы сами за себя ничего не говорили—не отъ нихъ былъ принимаемъ, но имъ сообщаемъ нашею познавательною способностію. Всякое познаніе было подлежательное; Фихте, воспользовавшись удобностію произвести все изъ одного нашего я (изъ нашей способности познавательной), сіе одно я оставилъ существующимъ, уничтожилъ все прочее, все, что только можетъ быть предметомъ познанія. Онъ уничтожилъ матерію и оставилъ одну только форму. Основное его начало—положеніе есть сіе: *я безусловно утверждаетъ себя въ бытіи, и существуетъ только чрезъ самопоставленіе; и я непременно есмь*. Далѣе: наше я, полагая себя въ бытіи полагаетъ вмѣстѣ и то, что не я, какъ не обходимую противоположность свою. Такимъ образомъ Фихте не имѣетъ нужды въ предметахъ, чтобы познавать ихъ; познаніе того, что не я происходитъ у него изъ одного нашего я; отсюда заимствуетъ не только форму, но и самая матерія.

Изъ сего разсмотрѣнія явствуетъ, что скептицизмъ, критицизмъ и идеализмъ сходствуютъ между собою въ томъ, что утверждаютъ бытіе однихъ представлений и оставляютъ